

МЫ СИДИМ с актером Крымского государственного драматического русского театра им. М. Горького Юрием Ганюшкиным в номере гостиницы «Москва». Уже полночь — самое подходящее время для беседы с актером. Велднем — репетиции, запись на телевидении, радио, встречи, поездки, вечером — спектакль.

Такова актерская судьба — часто, вернее, ежедневно живя на сцене жизнью других людей, своих героев, надо оставаться самим собой, да так, чтобы твое «я» с каждым годом становилось ярче, обретало новые грани. Тогда и твои герои будут индивидуальностями, их примет и сохранит для себя зритель. Очень точно сказано у одного писателя о том, что свободное время других людей — это рабочее время актеров. Артист — не столько профессия, сколько особое состояние души и интеллекта. Если ты слеп и черств, неумен и бездушен — на сцене тебе не место, ибо ты ничего не сможешь взять у жизни и не сможешь ничего передать. Как-то В. Немирович-Данченко заметил о Гамлете, что у него нет кожи — одни нервы. Он имел в виду обнаженность души благородного принца. В немалой степени это относится к актерам.

Юрию Ганюшкину тридцать. В крымском театре за четыре года работы им сыграно немало. Есть и роли, которые принято называть этапными. Шекспировский Гамлет, отец Сергей в «Прозрении» по повести Л. Толстого, Александр Блок в «Версии» А. Штейна.

Таков определенный этап. Каким же было начало?

Голос режиссера:
«В ИСКУССТВЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ».

Это — главное требование куйбышевского режиссера Петра Львовича Монастырского. У него-то и начинал Юрий Ганюшкин.

Но прежде были детство, школа. И хоть это считается журналистским штампом — упоминать в очерке босоногие дни, не уйдешь от той простой истины, что детство, отрочество — пожалуй, во многом решающая пора жизни.

После восьмого класса Юра Ганюшкин пошел рабочим сцени в Куйбышевский академический драматический театр имени М. Горького. Нельзя сказать, что выбор был легким и вполне осознанным. Нет, скорее вынужденным. Просто математические формулы на классной доске всякий раз представлялись ему чем-то загадочным и чуждым. Куда лучше чувствовал он себя в литературном кружке политехнического института. И однажды школьный учитель подскзал — вечерняя школа тебя, Ганюшкин, стерпит.

Перешел в вечернюю. Стал работать в театре, вовсе не думая, что станет Качаловым. Просто любил смотреть спектакли. А на них его с малых лет водила мама (она и сейчас прилетает в Симферополь из Куйбышева на премьеры сына). Но спустя какое-то время его выпустили в массовку. А в 1966 году, когда в театр пришел П. Л. Монастырский и стал набирать курс, он решил рискнуть.

Басня и стих в его исполнении на Петра Львовича великого впечатления не произвели:

— Поступайте, молодой человек, в какой-нибудь институт. На сцене вам делать нечего.

Трагедия? Но уже в ту пору эмоциональность и впечатлительность сочетались в нем с решительностью и самостоятельностью. Он дерзнул сдать экзамены и после отказа. Тот же Монастырский зачислил его на свой курс.

Четыре с половиной года учебы при театре — именно таким было училище, где группа набиралась раз в четыре года. В атмосфере какого-то чудодействия и самоотреченности, поисков, премьер, успехов, больно переживаемых провалов. А еще — приработки и стипендия грузчиком на вокзале, студенческие капусташки и пирушки, печеная картошка у костра на берегу Волги.

И вот в кармане диплом. Но актер ли ты? Ведь можно окончить пять институтов и не стать им...

Голос режиссера:
«ВАЖНО НАЙТИ СВОЕГО РЕЖИССЕРА. БЕЗ НЕГО АКТЕРА НЕТ».

Мысль не новая. Ганюшкин впервые услышал ее от П. Л. Монастырского. Это было как раз в то время, когда шли бурные споры, какой театр лучше — актера? режиссера? Споры и впрямь, очевидно, беспредметные. Ибо очарование даже гениального актера в плохому поставленном спектакле со слабыми партнерами, ярко выделяясь, по сути своей блекнет — ведь только в столкновении равных талантов, или во всяком случае подлинных, рождается на сцене нечто гармоничное, глубокое. Тогда, ощу-

тое и благородное, что бескомпромиссность, честность и чистота много значат во все времена. Это будет гражданская позиция двух художников — актера и режиссера. Единомышленников.

Голос режиссера:
«АКТЕР ДОЛЖЕН ПРОТЯНУТЬ В ЗАРУКУ, СВОЮ ТЕПЛУЮ РУКУ — ДАВАЙТЕ Я ПОВЕДУ ВАС ЗА СОБОЙ...»

Это снова Монастырский. Наверное, плохо, если ученик слепо принимает советы наставника, но еще хуже, если он пропускает их мимо ушей.

Ганюшкин, будучи чутким учеником, всегда искал в себе

нюшкин узнаваем, но непохож, органичен и ярко, страстен и в значительной степени глубок, хотя актерские задачи перед ним стояли нелегкие.

Вот князь Касатский — отец Сергей в «Прозрении». Сложность уже в том, что надо играть целую жизнь. Князь Касатский — молодой красивый кадет, острого ума, самолюбивый, вспыльчивый, до мозга костей преданный государю. Он не многоречив, но как, скажем, выразительно его смещение после выдачи Вронского генералу, как характерна его реакция на похвалу царя — глаза горят, руки в дрожь по швам, готов броситься на колени, как мальчишка. Это игра без слов — показатель высокого профессионализма... Спустя многие годы, уже в монастырской келье — отец Сергей, степенный, с глуховатым, точно надтреснутым голосом, но обнаруживающий вдруг прежний темперамент, прежнюю до слепоты целеустремленность и твердость (сцена с Маковкиной, роль которой интересно исполняет С. Кучеренко). А какая боль, боль заплутавшего незаурядного человека проступает в его выразительных, неподдельно глубоких друг запавших глазах при заключительном объяснении с сестрой. Правдиво, без излишнего эмоционального нажима, хотя порой не до конца вскрывающая социальные истоки, ведущие Касатского к прозрению, играет Ю. Ганюшкин. Последнее — видимый просчет театра в целом, причина которого, очевидно, в несколько одностороннем прочтении инсценированного романа Льва Толстого: естество выпячено ярче философии.

Иного порядка сложность — роль Александра Блока в «Версии» А. Штейна.

Пьеса эта во многом условная, фрагментарная, как бы состоящая из множества точно в киноленте сменяющих друг друга эпизодов. Ганюшкину удается, передавая различные психологические состояния своего героя, создать запоминающийся образ, открыть зрителю нечто новое в сложившемся облике великого русского поэта. Хотя, на мой взгляд, той цельности и убедительности, которые достигнуты в «Прозрении», здесь у Ганюшкина еще нет. И всему актерскому ансамблю не хватает слаженности, не всегда помогает восприятию пьесы музыкальное сопровождение. Наверное, предстоит еще более углубленное изучение материалов о Блоке, осознание его места в литературе на рубеже эпох.

Помните — «протянуть теплую руку»? В этом подход Ю. Ганюшкина к роли Гамлета. Не далекий, скрытый напластованиями столетий принца человек, чья боль, чьи потери, чье одиночество волнуют и нас, человек, чья борьба и чье достоинство заставляют пристально всмотреться в самих себя, — таким трактует актер и театр образ Гамлета. Не упование на внешние эффекты, новизну трактовки ради новизны, а проникновение в суть явленной и характеров — это мы видим на сцене...

Три такие большие главные роли. А кроме них — театральный художник Богачев в спектакле «Они были актерами» Г. Натансона и В. Орлова, Александр в «Последних» М. Горького, граф Алексей Орлов в «Царской охоте» Л. Зорина и другие. Немало, правда?

Голос режиссера:
«КАЖДАЯ ЗАВОЕВАННАЯ ВЫСОТА — ЭТО И ТВОЕ ПОРАЖЕНИЕ...»

Парадоксальное это высказывание принадлежит А. Г. Новикову. Но парадокс лишь внешний. Действительно, как ни хороша покоренная вершина, а есть еще более высокие (к тому же почти у всякого настоящего мастера после успеха возникает тягостное, как боязнь высоты, чувство, что это, возможно, его предел). Правда, другой авторитетный человек говорил, что каждый актер рождается для одной роли. Мне больше по душе первое высказывание. Ведь в конце концов, неизвестно, когда она придет, эта единственная роль. Значит, ступай за ней. А путь один — через новые завоеванные высоты.

В. СУХОМЛИНОВ.

На снимке: актер Крымского государственного драматического русского театра имени М. Горького Юрий Ганюшкин.

Фото В. Пясецкого.

ПОКОРИВ ВЕРШИНУ, НЕ ОТЧАИВАЙСЯ...

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ГАСТРОЛИ. МЫ ВСЕГДА ЖДЕМ ОТ НИХ ОТКРЫТИЙ, НОВЫХ ПЬЕС, НОВЫХ ИМЕН ПОСТАНОВЩИКОВ, АКТЕРОВ. И КАК РАДОСТНО, КОГДА ОЖИДАНИЯ СБЫВАЮТСЯ...

щая всю цельность замысла, постановки и исполнения, просто осознаешь — этот актер первый среди равных. Как первая скрипка в прекрасно сыгранном оркестре. Точно так же беспомощен среди одаренных, но чуждых по духу исполнителей даже самый талантливый режиссер. Театр живет единомышленниками. Но разве это исключает столкновения, несогласие, самобытность?.. Однако истину можно запомнить, а усвоить, осознать можно, лишь прочувствовав. Из-за этого иногда приходится набивать и шишки...

После училища Юрий Ганюшкин играл в театрах Волгограда, Самарканда, Калининграда — время обретения опыта, проверки себя, осознания и познания истины. Он уже сыграл одну из главных ролей в одном из вапильских спектаклей. Для молодого профессионального актера это не так уж мало. Но то, что было накоплено, выношено, и то, что вызревало, — требовало какого-то качественно нового воплощения, новой, смелой и чуткой руки, которая бы полнее помогла раскрыть и раскрыться.

Это главное, что привело его в Симферополь — в новый театр, к новому режиссеру. Позже, когда А. Г. Новиков предложит ему сыграть Гамлета, Юрий сперва не согласится (и не из боязни, а не его-де герой, нерешительный, рефлексивный, сомневающийся), но в конце концов возьмется. И сможет сыграть, раскрыв с достаточной полнотой первопричины и истоки обреченности принца датского, заставив людей в зале с пронзительной ясностью осознать, что и сегодня продолжается бой за все свет-

себя. И слова учителя, выстрадав, запомнил.

Правда: по наитию трудно достигнуть значительного. Важно осознать цель своего труда в каждой конкретной роли. Прежде чем открыть что-то для других — открыть для себя. А это значит, по-видимому, вскрыть первопричины поведения своих героев, внутренние мотивы и факторы, толкающие их на те или иные поступки, к той или иной философии, отношению к миру, обществу, людям. В этом, главным, совпала направленность творческих поисков актера Ю. Ганюшкина и режиссера А. Г. Новикова, всего Крымского театра.

И так постепенно сложилась одна из центральных линий в сегодняшнем репертуаре крымчан — художественное исследование первопричин, истоков, последствий гибели незаурядных личностей.

Ведь гибнет Гамлет, гибнет князь Касатский — отец Сергей, гибнет Блок. В каждом случае — разные времена, разные срезы эпох, разные причины. И герои — разные. По характеру, темпераменту, воле, возрасту. Мятающийся, стоящий на две головы выше всего своего окружения по уму и благородству, одинокий, непонятый и преданный всеми Гамлет; находящийся в плену у ложных идей, но совершенно необычайной силой воли заставляющий подчинять их диктату свое естество и ироигрывающий сражение Касатский. И Блок — чуткий, честный, отвергающий пошлость старого мира поэт, трагически пошатнувшийся под напряжением колоссального рывка вперед его, казалась бы, столь понятной Отчизны.

Во всех трех ролях Ю. Га-